

С.И.Вайнштейн

*Романтика и трагедии в судьбе
Альберта Николаевича
Липского*

За все в жизни мы когда-нибудь платим.
Но не такую же несправедливую и страшную цену!

*(из последнего письма А.Н.Липского автору
5 декабря 1972 г.)*

Когда пишут о судьбах ученых, основное внимание уделяется обычно их научной деятельности, а перипетии личной жизни служат лишь фоном. Под давлением драматических фактов, ныне известных, быть может, лишь мне одному, хочу сосредоточить внимание прежде всего на романтике, научном подвижничестве и трагедиях в жизни крупного этнографа и археолога Альберта Николаевича Липского (1890—1973), репрессированного в конце 1930-х годов и в значительной мере добровольно избравшего свое место в страшной истории ушедшего века*.

В далеко не однозначной биографии Липского тесно переплелись не только одержимость искреннего революционера, долгое время служившего жестокому режиму, но и глубокая преданность науке ученого с необычайно суровой судьбой, человека бескорыстного и в высшей степени принципиального, что нередко ему очень серьезно вредило.

Не могу умолчать и о неоценимой дружеской поддержке Липским автора статьи в весьма тяжелых ситуациях во время многолетней работы в Туве. Ему я обязан и за помощь в практическом освоении методики археологических раскопок еще в начале моих тувинских исследований, о чем пойдет речь ниже.

* Пользуюсь возможностью выразить глубокую признательность Н.А.Месштыб и Н.П.Москаленко за помощь в подготовке этой статьи к печати.

Впервые мы увиделись летом 1950 г. Тогда, после окончания исторического факультета МГУ по кафедре этнографии, я ехал по распределению в Тувинский краеведческий музей, расположенный в далеком и незнакомом мне степном городе Кызыле — географическом центре Азии. Добраться туда можно было лишь по Транссибирской магистрали до г. Абакана — столицы степной Хакасии, а оттуда на попутной машине, если удавалось ее раздобыть, преодолев по Усинскому тракту горные хребты Саян.

Выйдя на конечной станции в Абакане из поезда, несмотря на кратковременность пребывания в городе, я все же решил воспользоваться возможностью побывать в «родственном» местном музее. Внимательно знакомясь с его экспонатами, обратил внимание на старинный хакасский шаманский бубен с нарисованными на нем оленями, причем на одном из них сидел, вероятно, пастух. Этот рисунок как бы свидетельствовал об оленеводстве у хакасов в прошлом, что явно противоречило существовавшим тогда историческим представлениям. Поинтересовался у смотрительницы, откуда попал в музей этот бубен. Она, не отвечая, кивнула в сторону стоявшего поблизости человека, вероятно научного сотрудника.

Это был среднего роста, коренастый, по-военному подтянутый, далеко не молодой, но еще красивый мужчина с твердым суровым взглядом и густой шевелюрой седых волос. Бросалась в глаза изношенность его одежды — потертая гимнастерка, лоснящиеся от времени галифе, стоптанные кирзовые сапоги.

Узнав, что я этнограф, выпускник МГУ, он представился:

— Бывший исследователь этнографии и антропологии народов Амура, бывший научный сотрудник Института этнографии в Ленинграде, бывший сотрудник ВЧК—НКВД, бывший узник его лагерей, бывший директор сего музея, а ныне его археолог — Липский Альберт Николаевич.

И тут же, коротко отвечая на мои вопросы о бубне, заметил, что на нем изображены оленеводы, но истолковать их значение в свете хакасской истории он не берется. И продолжил:

— Быть может, Вы когда-нибудь в память о нашей встрече займетесь этим чрезвычайно любопытным экспонатом музея¹.

Имя Липского было мне знакомо. Некоторые из его работ с интересом читал ранее, был наслышан о его неоднозначной личности и жестокой судьбе от выдающегося антрополога Георгия Францевича Дебеца, с которым еще в мои студенческие годы поддерживал хорошие отношения.

Возникшую почти сразу же необъяснимую симпатию к новому знакомому не поколебали услышанные позднее из его же уст детали биографии, которым нельзя было найти достаточного оправдания.

Эта встреча произошла в обеденное время, и я предложил отметить ее в дешевом привокзальном ресторанчике. Нам удалось занять отдельный столик, что позволило вести без посторонних достаточно доверительную беседу, которую помню во всех деталях. Альберт Николаевич попросил меня поподробнее поведать о себе, о моей семье, об Институте этнографии (ИЭ), с которым я тесно сотрудничал, уже ранее выезжая в Сибирь в составе экспедиции, о чем он читал в изданиях Института, о моих планах работы в Туве.

Я рассказал ему тогда, что мой отец — Израиль Яковлевич Вайнштейн родился на Украине, еще в юности стал революционером, воевал, в том числе в Конной армии, с белополяками. Впоследствии — профессор философии, автор книг по диалектике, изданных не только у нас, но и за рубежом. В 1936 г. был арестован, а в январе 1938 г. казнен как «враг народа». Но, судя по его последним письмам из тюрьмы, он до конца верил в идеалы социализма. Мать приехала из капиталистической Риги в 1925 г., чтобы строить новый мир. Вышла замуж. В 1926 г. родился я. После ареста отца мы потеряли квартиру, все вещи и долго были бездомными. Мне пришлось пройти и детский дом, и лесоповал, быть пожарником. Лишь в 1954 г. отец был «посмертно» реабилитирован².

— Как же удалось поступить в Университет? — перебил меня Липский.

— С большим трудом. Меня как сына «врага народа», несмотря на отличные экзаменационные оценки, на исторический факультет Университета не зачислили. Помог известный и весьма влиятельный в то время историк, академик В.М.Хвостов — давний друг нашей семьи, веривший в мое научное будущее.

— И в годы учебы были, конечно же, немалые трудности. Представляю! — сочувственно заметил Липский.

— Были, разумеется. Да я их усугубил. Самые большие проблемы возникли на четвертом курсе, в 1948 г. Тогда, участвуя в экспедиции Института этнографии к кетам Подкаменной Тунгуски, которой руководил крупнейший историк и этнограф Сибири Б.О.Долгих³, я убедился, что этот маленький народ Севера из-за очень тяжелых условий жизни, на которые его обрекли власти, быстро вымирает. Вернувшись в Москву, сразу же написал об этом письмо секретарю ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову, выступил на кафедре этнографии. Комсомольское руководство фа-

культета отреагировало оперативно. Меня, как «клеветущего на национальную политику партии», сына «врага народа», имеющего и другие идеологические проступки, исключили из комсомола и предложили отчислить из МГУ. Однако комиссия ЦК ВКП(б), посланная к кетам, полностью подтвердила приведенные мною факты, а директивные органы приняли постановление о мерах помощи кетам. Я был оправдан и даже вновь в 1949 г. командирован Институтом этнографии на Подкаменную Тунгуску для продолжения исследований кетов⁴.

Липский встал из-за стола и, крепко пожав мне руку, сказал:

— Поздравляю за мужество и редкую удачу. — А затем, после небольшой паузы, с улыбкой добавил:

— Выпьем чарку и за вашего коллегу — Липского, которому через пару дней стукнет 60! Моя жизнь была потруднее вашей, хотя и вы, как я вижу, успели хлебнуть ее «отравленный суп».

Рассказ Липского о себе и близких ему буквально потряс меня, и я попросил разрешения записать услышанное в память о нашей встрече.

— Погодите. Судьба, я уверен, позволит нам встретиться еще раз, и тогда вы сможете записать мою исповедь в более подходящей обстановке. А сейчас расскажите, какие у вас планы в Туве.

— Буду жить в Кызыле, руководить научной работой музея, который, как мне писали его сотрудники, в очень плохом состоянии и почти не функционирует. А главное — хочу изучить этнографию и историю тувинцев, генезис их культуры на основе всех доступных источников, в том числе проводить археологические раскопки, ведь Тува и в этом отношении «белое пятно». Надеюсь реализовать в Туве желание заниматься палеоэтнологией, задача которой соединить археологию и этнографию.

— Но, простите, — перебил Липский, — чтобы вести раскопки, надо хорошо знать их сложную методику, иметь Открытый лист Отдела полевых исследований Института истории материальной культуры Академии наук. Без этого раскопки — уголовное дело.

— Да, знаю. Посему несколько лет ходил в Университете на лекции и семинары профессоров Артемия Владимировича Арциховского, Сергея Павловича Толстого, Бориса Александровича Рыбакова и других видных археологов. Надеюсь, к раскопкам я готов. Но Открытого листа пока у меня, увы, нет.

— Тогда вам нужно, — после некоторого раздумья заметил Липский, — подтвердить теоретические знания практикой. Посему приглашаю вас в свою экспедицию. Предоставлю возмож-

ность самостоятельно раскопать несколько памятников, грамотно сделать документацию. Если получится хорошо, дам рекомендацию в Отдел полевых исследований. Уверен, мне поверят и выдадут вам Открытый лист. Приезжайте.

Я твердо обещал воспользоваться приглашением.

* * *

Выполнить свое обещание смог лишь летом 1952 г., приехав в Абакан, чтобы принять участие в небольшой археологической экспедиции Хакасского музея, возглавляемой Липским. К нам присоединился молодой аспирант, впоследствии известный антрополог академик Валерий Павлович Алексеев, готовившийся к сбору в следующем году краниологического материала из заброшенных погребений хакасов⁵.

Незабываемы экспедиционные маршруты среди таинственных и древних памятников хакасских степей. Но не менее впечатляющими были чрезвычайно откровенные и, несомненно, искренние рассказы Липского о трагических и романтических этапах своей жизни, которые я с его разрешения подробно записывал.

Ежевечерне, после завершения экспедиционной работы, мы располагались у костра под звездной бездной иссиня-черного хакасского летнего неба. При колеблющемся свете костра я вел записи исповеди Липского о своей жизни. Валерий Алексеев, чтобы не приходилось их прерывать, время от времени молча подбрасывал дрова в затухавший огонь и помешивал угли. Взметались искры, которые, казалось, растворялись среди загадочно сиявших над нами созвездий.

— Записывайте, Севьян, записывайте! — наставлял Альберт Николаевич. — Со временем эти бумажки будут многого стоить. А вы их, быть может, опубликуете. Ведь времена обязательно изменятся. Уж поверьте мне, старику!

— Что ж. Пожалуй, когда-нибудь Севьяну это удастся, — с некоторой долей надежды произнес Алексеев, внимательно слушавший откровения Липского и почти не вмешивавшийся в наш разговор.

Ныне передо мной лежат пожелтевшие записи, которые я подчас не могу расшифровать до конца. Разумеется, я не стенографировал нашу беседу, но, поскольку старался записывать ее как можно точнее, в прямой речи позволяю себе воспроизвести исповедь Липского от первого лица. Правда, даже доверяя мне и Алексееву, Альберт Николаевич не мог быть вполне откровенным в 1952 г. Однако впоследствии, после смерти И.В.Сталина и

А.Н.Липский (справа) и В.П.Алексеев. Хакасия. 1952 г.

разоблачения «культа личности», Липский при наших беседах не раз возвращался к трагическим событиям своей жизни, и это позволило мне, тоже с его слов, внести в записи дополнения и уточнения.

— Итак, — начал Альберт Николаевич, — я родился 30 августа 1890 г. в небольшой деревушке в Рогачевском уезде Могилевской губернии. Мать моя — Куренкова — была тогда очень юная и красивая белорусская крестьянка из семьи недавних крепостных. Родители послали ее прислуживать гостю местного помещика — крупному польскому магнату дворянину Липскому, ставшему моим отцом. Никогда я его не видел, да и он никогда не интересовался судьбой своего незаконнорожденного сына, которому мать дала отцовскую фамилию. Тем не менее в память о матери годы спустя я изредка подписывал свои статьи «Куренков». Мечтой матери было дать мне достойное образование, а чтобы заработать для этого деньги, она бралась за любую, самую изнурительную работу. Тем самым она дала мне возможность окончить гимназию. Вышла замуж за простого крестьянина, позднее железнодорожного рабочего, но он долго болел и умер в 1917 г.

Еще гимназистом я выбрал свою будущую профессию, которую считал самой интересной, — стать этнографом и антропологом, подобно моему тогдашнему кумиру Миклухо-Маклаю.

В январе 1905 г. решил поехать в Петербург, чтобы выяснить возможности подготовки к поступлению в университет. Здесь я стал свидетелем разыгравшейся кровавой трагедии. Самодержавие, как известно, совершило тогда неслыханное преступление: были расстреляны толпы безоружных людей, шедших на моих глазах в праздничных одеждах со своими мольбами и надеждами к царю как к отцу-батюшке. Видел валявшихся и истекавших кровью на заснеженной брусчатке людей, среди которых были женщины и дети, видел убитых, еще державших в окоченевших руках хоругви и иконы. И здесь у меня впервые и навсегда возникло чувство ненависти к строю, виновному в этом преступлении, — к самодержавию. Еще очень долго «кровавое воскресенье» жгло сердце и руководило многими моими поступками.

Теперь не только Миклухо-Маклай был кумиром, но и декабристы и все те, кто, не страшась смерти, боролись с самодержавием. Уже тогда я осознал, что мне предстоит заниматься не только этнографией, но и сражаться за будущее страны, которая была для многих народов тюрьмой, управляемой безвольным монархом и его жестокими царедворцами.

— Вы действительно так считаете? — прервал я Липского.

— От вас такого вопроса не ожидал, — резко возразил он. — Разве евреи имели человеческие права? Вы что, забыли об унижительной черте оседлости для евреев? О кровавых еврейских погромах? А народы Сибири, которым, по существу, насильственно навязывали чуждое им православие, лишая их многовековых традиций своей духовной культуры? А горцы Кавказа?.. Да что тут говорить, — заключил не без раздражения Альберт Николаевич.

— В 1909 г., — продолжал Липский, — я поступил в Петербургский университет, где проучился до 1912 г. Мы — четверо студентов университета из небогатых семей — сняли комнату. Жили коммуной, и даже единственные на всех белые перчатки надевали по очереди, идя на свидание. Мы верили в великое будущее России, в свободу, которую получают ее народы. Но представляли это по-разному. Мне были близки взгляды большевиков, а мой ближайший друг — Борис симпатизировал кадетам, остальные — эсерам. Однако это не мешало нашей крепкой дружбе. А однажды мы даже по примеру Герцена и Огарева дали общую клятву не пожалеть жизней во имя Отечества. Запомнилось, как тогда Борис с гордостью, обращаясь ко мне, произнес

известные пушкинские строки: «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!» Мы обнялись.

В тот же год в мою судьбу ворвалась необычайно сильная любовь, возникшая, как говорится, с первого взгляда.

Летом я подрабатывал на железной дороге Петербург—Рига контролером. Иду по спальному вагону — проверяю билеты. Стучу в последнее купе. Ни звука — закрыто изнутри. Подождав, как и положено, открываю своим ключом. И вижу на диване, уронив одеяло и простыню на пол, крепко спит обнаженная и очень красивая юная девушка. Инстинктивно тут же захлопываю дверь и вновь стучу. Наконец дверь открывается.

Билеты у пассажирки в порядке, но уйти я не в силах. Начинаем беседу. Она назвала себя, будем именовать ее Маргаритой (ее подлинное имя я не назову). Понимаю, что должен рассказать ей о неожиданно вспыхнувшем чувстве. Преодолевая естественное для той поры смущение, говорю о планах путешествий и занятий этнографией. Долго рассказывал о себе, о желании соединить жизнь с любимой женщиной. Попросив у нее прощение за признание, говорю, что теперь впервые, кажется, влюбился. Вопреки моему опасению, она верит мне, принимает мои слова всерьез и очень благосклонно. Рассказывает, что завершает учебу в гимназии в Риге, о своих надеждах на будущее, что еще никого не любила, что отец ее фабрикант, владелец знаменитого в России пивного завода. В нашей встрече она видит руку судьбы. Но вот и вокзал в Риге. Я, естественно, иду проводить ее к экипажу. Она неожиданно приглашает теперь же поехать вместе в их загородную приморскую виллу, чтобы познакомить меня с родителями. Едем.

Угостив чаем и расспросив о моей жизни, обстоятельствах знакомства с их дочерью, они беседовали со мной подчеркнуто холодно, а мать даже решила сказать, что я Маргарите не пара и добавила: «Главное — вы не сделаете ее счастливой. Поэтому во избежание неприятностей мы с мужем категорически запрещаем ваши дальнейшие встречи». Но, расставаясь, я и Маргарита дали клятву видеть друг друга как можно чаще, не считаясь с волей ее родителей.

Альберт Николаевич замолчал, взглядываясь в колышущиеся язычки огня, и, тяжело вздохнув, произнес:

— О, счастливые времена таких далеких и неомраченных дней.

— Так вы все-таки встречались? — спрашиваю я.

— Конечно. Мы находили возможности для этого то в Риге, то в Петербурге, — и продолжил:

— К тому же году относится и сыгравшая большую роль в моей жизни встреча с сотрудником Музея антропологии и этно-

графии Академии наук Львом Яковлевичем Штернбергом. В прошлом народоволец, в 1905 г. амнистированный политический ссыльный, он был уже тогда известным этнографом, прославившимся изучением гиляков (нивхов) на острове Сахалин, где он восемь лет был в политической ссылке. Мог ли я думать, что когда-нибудь буду в подобном положении? Он стал для меня на долгие годы научным кумиром. Я не раз беседовал с ним в старом здании Кунсткамеры на берегу Невы. Именно он убеждал меня заняться тунгусо-маньчжурскими народами Амура и Приморья. Особенно рекомендовал углубленно изучать этнографию гольдов (нанайцев), их язык, быт, социальную организацию, происхождение, формирование особенностей шаманизма, как и всей культуры. Штернберг говорил мне о том, что, командированный в 1910 г. на Сахалин Русским комитетом по изучению Восточной и Средней Азии, намеревался, продолжая исследования у гиляков, на короткое время заехать к гольдам для сравнения некоторых сторон их быта с бытом гиляков. Но его настолько заинтересовала уникальная культура гольдов, что почти все время он провел среди них, собрав неплохой материал и даже подготовив публикацию об этом народе⁶. Штернберг с сожалением говорил мне о том, что в дальнейшем уже не сможет продолжать такие исследования у гольдов из-за плохого здоровья. «Займитесь ими, — убежденно советовал мэтр, — еще много надо изучить. Вы еще молоды и полны сил». Но наши пути в дальнейшем разошлись.

Позднее во время моих исследований у народов Амура я смог убедиться, что Штернберг далеко не всегда был объективен в описании этнографических фактов. Я не хотел этого скрывать. К тому же, когда Штернберг, узнав в 20-е годы, что я с оружием в руках борюсь с белыми и, как он полагал, навсегда ради этого забросил науку, его отношение ко мне резко ухудшилось. Впоследствии по разным поводам он публично неодобрительно высказывался обо мне.

Еще в 1912 г. я получил возможность по поручению Этнографического и Зоологического музеев в Петербурге поехать в командировку в Монголию.

Маргарита приехала на вокзал, чтобы проводить меня. Взглянув через окно вагона на предназначенное мне место, она почему-то, бегло попрощавшись, ушла еще задолго до отхода поезда, что, признаюсь, очень озадачило меня. И вдруг, когда поезд уже был в пути, я, не поверив своим глазам, увидел ее входящей в мой вагон. Улыбаясь и плохо скрывая волнение, она сказала, что решила ехать вместе со мной, что нам надо перейти из вагона третьего класса в спальный — первого класса. «Вот билеты на

тебя и меня... ведь я твоя жена». Спорить было бесполезно, тем более что я был безмерно рад такому неожиданному подарку судьбы. Позднее мы обвенчались.

В Монголии Маргарита охотно и безотказно помогала мне в устройстве быта и в научных исследованиях, неизменно усиливая этим мою глубокую к ней привязанность и любовь. Наряду с незнакомым нам образом жизни степных кочевников очень сильное впечатление произвели развалины древних городов, таинственные каменные изваяния и стелы с древнетюркскими руническими текстами, а также бесчисленные древние выветренные наскальные рисунки. Уже тогда, как и вы теперь, я понял необходимость связать в своих исследованиях этнографию и археологию, как учил Дмитрий Николаевич Анучин. Его замечательные и поныне до конца не оцененные идеи я всю свою последующую жизнь стремился реализовать. Ведь именно он одним из первых не только высказал их, но и прекрасно развил на конкретном материале⁷.

Желание овладеть методикой не только этнографических, но и археологических исследований заставило меня оставить Петербургский университет, чтобы переехать в Москву вместе с Маргаритой и поступить в Московский археологический институт, где преподавал Анучин. Я его окончил в 1915 г. уже в условиях начавшейся мировой войны. Должен, впрочем, сказать и о двух своих не вполне удачных экспедициях еще студенческих лет. Я выезжал тогда на Алтай для сбора этнографических и археологических материалов, но был выдворен оттуда по распоряжению самого томского губернатора «за пропаганду антиправительственных настроений среди крестьян-алтайцев». Вероятно, уже тогда в полиции на меня имели досье «революционера». Ездил и в кратковременную экспедицию на Амур к гольдам в составе экспедиции Владимира Клавдиевича Арсеньева, но об этом позже.

В конце 1915 г. меня призвали в армию и направили в военное училище. Борис тоже переехал в Москву, где на офицерской должности работал интендантом. Бывал довольно часто у нас в гостях, как мой близкий друг и однокашник.

Но трагические события жизни уже начали свой страшный путь по моим пятам. И потому, вероятно, в один из декабрьских дней 1915 г. произошло событие, круто и прискорбно изменившее мою жизнь.

Ранним, еще темным утром я приехал в училище, но вдруг нас всех срочно собрал генерал. Мы должны были как можно быстрее съездить по домам и тут же вернуться, переодевшись в парадную форму, так как неожиданно стало известно, что сам император решил посетить училище.

Кучер нещадно гнал лошадь, а когда приехали, остался ждать меня у дома. Уже начало светать, но комнаты были еще затемнены плотными шторами. Царила тишина. Чтобы не будить спящих жену, маленького нашего сына Дмитрия и прислугу, пытался без шума надеть парадный мундир, не зажигая света. Но как назло не мог найти португепю. Пришлось все же зажечь свет.

Повернув голову в сторону кровати, я увидел под одним одеялом жену и Бориса, которые растерянно наблюдали за мной... Ощущение предательства жены, еще вчера клявшейся мне в любви, и Бориса, казалось самого верного друга, ослепило и даже помutilo на время мой разум.

Как ни странно, не помню всех деталей разыгравшейся трагедии. Запомнил лишь, что, выхватив пистолет, я приказал Борису немедленно покинуть квартиру. И вышел, чтобы неожиданный гость мог одеться. Через пару минут он подошел ко мне и, щелкнув каблуками, спросил, где и когда я согласен на дуэль. Ткнув пистолетом в его живот, я бросил ему в лицо: «Неужели ты думаешь, что из-за этой шлюхи я буду стреляться с мерзавцем? Пошел вон!» И, продолжая прижимать пистолет к его животу, грубо вытолкнул на лестницу. Велев собрать ее вещи, я выгнал и жену, да и прислугу — свидетельницу гнусных измен Маргариты.

Остался громко кричавший сын, которому шел всего второй год. Приехав в училище, я представил начальству докладную записку с просьбой дать неделю, чтобы я смог увезти ребенка к моей матери в Белоруссию, а затем отправиться в действующую армию. Мою просьбу удовлетворили.

Позднее я глубоко сожалел о моем поведении. Даже на фронте так и не смог простить себе жестокого поступка в тот страшный день. Ведь я продолжал столь же сильно и страстно любить Маргариту. На фронте был рядовым 181-го стрелкового полка. Получил ранение в боях под Барановичами и пробыл в госпитале до лета 1917 г.

И лишь когда был демобилизован, появилась возможность, следуя давнему совету Штернберга, начать этнографические исследования на Амуре и в Приморье. Выехал на Дальний Восток, снял жилье в Хабаровске и даже начал свои исследования. Тем временем произошла Октябрьская революция.

Но мне повезло, и я смог уже в 1917 г. заняться полевой работой на Амуре. Приехал в небольшое гольдское селение на берегу Амура. Зашел в домик одного из стариков и начал с ним беседу, выясняя его род, год рождения и т.д. Затем повел разговор об обрядах при рождении ребенка. И тут он говорит мне, что об этом его уже расспрашивала молодая женщина, которая

совсем недавно вышла из его дома, добавив: «Все это записывала, спросите у нее. Да вот она, смотрите, сидит на пеньке, на той поляне и что-то пишет».

Я тут же вышел и впервые познакомился с замечательным этнографом и лингвистом Ниной Александровной Вальнрод (1895—1942), которая была в ту пору еще очень молода, едва за двадцать. Признаюсь, мне сразу же очень понравилась эта милая женщина, рискнувшая в столь сложное время вести полевую работу на Амуре. Мы быстро сблизились, и она, став второй моей женой и взяв мою фамилию, переехала ко мне в Хабаровск. У нас родился сын Сергей. Моего старшего сына Дмитрия по предложению Нины я привез в нашу семью.

Тогда же мне с женой удалось организовать небольшую этнографическую экспедицию к гольдам, жившим по рекам Кур, Урми, Тунгуска. В ней принял участие и Арсеньев⁸.

Вместе со мной Нина изучила ряд тунгусо-маньчжурских языков и в совершенстве овладела, в частности, гольдским. Мы поселили у себя в доме в Хабаровске одинокого старика гольда, блестящего знатока быта и культуры своего народа. Он жил с нами несколько лет, ни в чем не нуждаясь. Нина много с ним работала, вела фольклорные записи. Каждый год, даже после того как родился Сережа, несколько месяцев вела полевые исследования. Уже в 20-е годы Нина Александровна опубликовала первые работы по этнографии гольдов, а последнюю издала в 1940 г.⁹. Замечу, что ее неизданный труд о гольдах почти целиком опубликован в книге «Народы Сибири» в 1956 г. под другим авторством, а ее рукопись лишь упомянута в числе основных источников¹⁰. Впрочем, там были несомненно использованы, но ни словом не упомянуты и мои неопубликованные труды по народам Дальнего Востока, хранящиеся в Институте этнографии в Ленинграде. Еще в 1919 г. мною была завершена поныне не изданная работа о гольдах¹¹. Помимо общих вопросов этнографии гольдов, рассмотренных в рукописи, я особо подчеркивал необходимость изучения антропологического состава этого народа в его территориальных подразделениях, что очень существенно для исследования этногенеза гольдов как целостного этноса.

В 1920 г. я принял предложение возглавить Хабаровский краеведческий музей, но уже в 1921 г. пришлось эту должность оставить, так как я согласился стать представителем Министерства национальных дел Дальневосточной республики по делам туземных народностей Амура и Приморья. До меня этот ответственный пост занимал Арсеньев. Мне обещали дать возможность продолжать этнографические исследования и преподавательскую работу не только в Хабаровске, но и в Чите (Институт народного

образования) и во Владивостоке (Университет), куда я периодически выезжал.

Но приходилось вновь и вновь браться за оружие, чтобы защитить народную власть от контрреволюционеров и интервентов. В составе партизанских отрядов Павлова, Шевчука и Тропинина я еще в 1918—1919 г. воевал с белыми на Амуре. А зимой 1922—1923 г. я опять принял участие в борьбе с белыми офицерами, надеявшимися поднять все народы Дальнего Востока против Советов. Сам создал и возглавил один из партизанских отрядов, в котором было немало представителей коренного населения, в том числе тунгусов, боровшихся с войсками генерала Перепеляева.

Бои с крупным офицерским отрядом полковника Степанова холодной зимой 1923 г. шли нередко среди полузамерзших болот и тайги. Белые никого в плен не брали и даже раненых расстреливали на месте. Жестокость порождает жестокость. Красные делали то же. Всех врагов, захваченных с оружием в руках, в том числе и обманутых белыми представителей местных народностей, тут же расстреливали. Такова была страшная логика тех событий. Теперь, после всего пережитого и передуманного, не могу себе простить той в сущности палаческой роли, которую добровольно принял на себя. Не снимаю с себя ответственности ни перед собой, ни перед историей. Но что было, то было.

И здесь судьба вновь неожиданно и трагически свела меня с Борисом.

Однажды мне как командиру отряда принесли сумки нескольких убитых в бою белых офицеров. Открыв одну из них, я увидел документы Бориса и большую пачку его писем, адресованных Маргарите. В них он писал, что белые ведут тяжелые бои с отрядом под моим командованием. В них он клял меня, своего врага, «продавшегося большевикам», изменившего своей прежней клятве служить свободе.

Я прервал Липского:

— Не все одинаково понимают свободу.

— Да, конечно, — не задумываясь, ответил Липский. — Для одних свобода — это ничем не ограниченная власть народа, его Советов, для других — это неограниченная власть капитала, где богатые имеют полную свободу строить дворцы, не замечая страданий бездомных и обездоленных сограждан, свободу сколько угодно наживаться за счет тружеников. Борис, к сожалению, этого не понимал. Не понимал того, что великим и светлым словом «свобода», ради которой он погиб, прикрывались темные силы, стремившиеся вернуть отнятые привилегии и еще больше обогатиться, пусть даже за счет развала Родины.

Немного помолчав, Липский добавил:

— Признаюсь, очень жаль Бориса. Человека мужественного и сильного, способного страстно любить женщину. Но в его смерти своей вины не вижу.

Борис в своих письмах высказал опасение, что «белое движение» обречено и лишь немногие разделяют его высокие цели. Но вместе с тем он писал, что не теряет надежду на поддержку этого многострадального движения Богом, и верил в то, что еще сможет встретиться с Маргаритой и они наконец обретут тихое счастье. Жаловался, что все письма, которые он обычно пишет между боями, заочневшими на холоде пальцами, нет даже малейшей возможности как-то отправить адресату. Но почти каждое письмо он заканчивал глубокой верой в то, что рано или поздно она их прочтет и оценит его чувства.

Что ж. В этом он оказался прав. Все его письма я сложил в большой пакет и, воспользовавшись своими связями в руководстве ЧК, попросил разыскать Маргариту в Москве и передать ей этот пакет. Через некоторое время мне сообщили, что на ее квартире в Кисельном переулке пакет вручен лично адресату.

Возвращаясь к моим этнографическим исследованиям, скажу, что еще в начале 1920-х годов начал серьезно заниматься помимо других этнографических проблем религиозно-психологическими аспектами духовной культуры народов Амура, в особенности в связи с моими исследованиями шаманизма у гольдов. В результате мною была подготовлена серьезная работа по этой теме, кратко изложенная в Чите в 1923 г.¹².

В 1925 г. состоялся первый съезд туземных народов Дальневосточного округа, где я сделал доклад о маньчжуро-тунгусских племенах бассейна Амура. В частности, привел результаты изучения этногенеза гольдов, их хозяйства, материальной и духовной культуры, шаманства. Этот доклад в тезисной форме, а также несколько других этнографических работ мне удалось опубликовать в Хабаровске¹³. Впрочем, и в те годы приходилось бросать дела и защищать Советскую власть с оружием в руках. Так, в октябре 1927 г. я сражался с местными бандами в восточной части Якутии, а в 1930 г. — в Тугуро-Чумиканском районе на Охотском побережье.

В 1925—1927 гг. моим научным исследованиям у народов Амура немало способствовала занимаемая мной должность ученого секретаря Дальневосточного краевого комитета народностей Севера, причем некоторое время в те годы я работал также заведующим отделением охотничьего хозяйства в Дальневосточном земельном отделе, а в 1930 г. занимал аналогичную должность в Дальгосторге. И конечно же, старался как мог помочь

подопечным туземцам, быт которых и нужды я знал не понаслышке.

Не буду скрывать, еще с 1922 г. я выполнял отдельные поручения ВЧК—ОГПУ, которые считал очень важными для защиты нашего государства, но лишь в 1930 г. я стал штатным сотрудником органов, причем был назначен на руководящую должность и сразу же направлен в Комвуз в Хабаровске на трехлетнюю учебу, которую совмещал с оперативной контрразведывательной работой. Но, войдя в состав органов, я вскоре начал осознавать, что они прежде всего орудие внутривластительской борьбы в Кремле. А новые кадры, в отличие от времен Дзержинского, не отличались высокими идеалами служения своему народу и личной честностью. Эти люди стали в значительной части открывенными карьеристами, стремившимися любыми способами услужить начальству. У меня все более усиливалось желание оставить службу в органах, и, несмотря на то что нарком внутренних дел наградил меня именным оружием и знаком почетного чекиста, я все же решился подать заявление об уходе, чтобы посвятить себя целиком серьезной научной работе. В объяснение своего решения я писал, что для этого необходимо не только время, но и возможность постоянно пользоваться научными библиотеками и архивами в Ленинграде.

Мою просьбу поддержал честнейший и талантливейший человек, командующий Дальневосточным военным округом маршал Василий Константинович Блюхер, с которым у меня к этому времени сложились достаточно хорошие личные отношения. В 1935 г. я был наконец отчислен из органов с последующим трудоустройством в Ленинграде в Институте антропологии, археологии и этнографии (с 1937 г. ИЭ — С.В.) Академии наук СССР. Радость моя, жены и детей была безмерна. Сыновья, особенно младший, также увлекались этнографией. Впрочем, старший был еще и неплохим спортсменом. Мы очень уважали и любили друг друга.

Переезду в Ленинград предшествовало еще несколько событий, о которых следует, пожалуй, рассказать. Одно из них покажется неправдоподобным. Я соскучился по общению со столичными учеными, поэтому, узнав, что очень уважаемый мною талантливый антрополог и этнограф Максим Григорьевич Левин, уделявший серьезное внимание изучению антропологии народов Дальнего Востока¹⁴, через час-другой выезжает поездом из Читы в Москву, решил на некоторое время задержать состав, чтобы догнать его на скоростной дрезине из Хабаровска. Я имел тогда возможность совершить подобный поступок. Поезд остановился и простоял около получаса. Я вошел в поезд, продолжавший

свой путь, и заглянул в купе к Левину. Здесь мы и проговорили с ним почти до Красноярска, обсуждая проблемы изучения антропологии народов Амура. Таков был мой научный азарт. Ведь общения не хватало как воздуха.

Другое событие связано с моим первым сыном Дмитрием, который считал своей матерью Нину Александровну. Он вырослел, и ему надо было рассказать правду. Но, прежде чем поговорить с ним, я все же хотел выяснить отношение Маргариты ко всему случившемуся. Решил поехать к ней в Москву.

Разыскал ее квартиру и позвонил. Ко мне вышла ее мать, которая, не узнав меня, с удивлением посмотрела на военного со знаками отличия, говорившими о его высоком положении в НКВД. Услышав, что я хочу увидеть Маргариту, любезно предложила подождать ее в столовой, так как она «вот-вот должна прийти из магазина».

В комнате я увидел большой портрет Бориса в военной форме. Вскоре послышались шаги Маргариты, вошедшей в прихожую. И как мне показалось, удивленно остановившейся, увидев на вешалке шинель сотрудника НКВД. Через несколько секунд она ворвалась в комнату с безумным криком: «Вон, вон отсюда! Убийца Бориса!» Я, стараясь быть как можно спокойнее, спросил, не интересуется ли ее как мать судьба повзрослевшего Дмитрия. Но она продолжала истерично кричать: «Вон, вон, вон!» Я взял в руки шинель и фуражку, решив тут же уйти. Больше Маргариту никогда не видел.

Вернувшись в Хабаровск сразу после этой встречи, я в присутствии Нины Александровны не без волнения рассказал Диме всю правду. Он воспринял мои слова спокойно, хотя и выглядел несколько побледневшим.

— Моя мать только она, — сказал Дмитрий, — показав рукой в сторону Нины Александровны.

Итак, в 1935 г. мы переехали в Ленинград. В Институте нас приняли хорошо, но немного настороженно, учитывая сложившуюся в то время в стране обстановку, что было неудивительно. Я получил должность начальника Нижнеамурского отряда комплексной экспедиции Института. В нее же была зачислена моя жена.

Мы выехали с женой в экспедицию на Амур уже зимой 1936 г., чтобы не терять драгоценное время, отпущенное для полевой работы. К этой экспедиции мы хорошо подготовились. Составили детальнейшую программу исследований. Новым было то, что удалось официально договориться с Московской кинофабрикой оборонных и гражданских фильмов о съемках под моим руководством трех полнометражных фильмов о быте, верованиях и со-

циалистическом строительстве у народов Амура. Два из них должны были быть посвящены гольдским шаманам. Я представил их сценарий. Один фильм назвал «Мангобо най — амурский человек», второй — связанный с участием шаманов в похоронных обрядах — «Буни поктади — дорогой мертвых». Мы прекрасно понимали, что снять фильм о шаманизме и обрядах, пока они еще сохраняются в живом быту, чрезвычайно важно для науки. И мы эти фильмы сняли, использовав около 6 тыс. м кинопленки. Я надеюсь, они сохранились, и вы сможете их увидеть¹⁵. Основное внимание уделили шаманизму и обретению шаманского дара, особенностям похоронных обрядов, записям текстов шаманских камланий на гольдском языке. Мы, конечно же, изучали и вопросы происхождения гольдов, их родовой состав, народное орнаментальное искусство. Жена уделяла большое внимание изучению фольклора и языка, вопросам создания первой нанайской письменности. При этом мы исходили из того, что она должна быть на основе русского алфавита. Это было, безусловно, необходимо для сближения народов нашей страны. Мы резко выступали против предложений основывать письменность на латинской графике.

В 1937 г. наша экспедиция вновь выехала на Амур для продолжения работ по намеченной программе. Исследования шли успешно. Однако то обстоятельство, что мы в соответствии с утвержденной в Институте программой вновь уделяли большое внимание изучению шаманизма, снимали фильм о шаманах, платили им за это деньги, настаивали на создании гольдской письменности на основе русской, а не латинской графики, а также возмущались проявлявшимися у части руководства Нанайского района проманьчжурскими настроениями, побуждало этих людей писать на меня и жену доносы в краевые организации. Нас обвиняли чуть ли не в антисоветской деятельности, всячески старались препятствовать нашей работе.

Из бесед с гольдами я узнал, что среди тунгусских народов Амура действуют японско-маньчжурские агенты, убеждая «родственное» население, что скоро с СССР начнется война, придут японцы, разобьют советскую власть и присоединят территорию, занимаемую тунгусскими народами, к маньчжурскому государству. Это государство, Маньчжоу-Го, было марионеточным образованием, созданным японцами еще в 1932 г. Среди населения чувствовалось напряжение, вызванное ощущением приближающейся войны, хотя, конечно же, простые гольды были в абсолютном большинстве безоговорочными сторонниками советской власти.

Я, разумеется, поставил в 1937 г. в известность соответствующие инстанции об обстановке, которая свидетельствовала о под-

готовке японцами нападения на нашу страну в Приморье, но, сыграло ли это какую-нибудь роль, не знаю, — заметил Липский в большом волнении.

— Как вам известно, летом 1938 г. японская армия «неожиданно» вторглась в Приморье у озера Хасан. Почти месяц потребовался, чтобы разгромить интервентов, но все это было уже без меня, — добавил Липский, задумчиво взглядываясь в затухающий костер.

Вероятно, чтобы снять напряжение в беседе, Валерий Алексеев задал неожиданный вопрос:

— Как вы относитесь к знаменитой книге Владимира Клавдиевича Арсеньева «Дерсу Узала»¹⁶?

Альберт Николаевич сразу и резко ответил:

— Это, безусловно, прекрасный роман в стиле Майн Рида, ярко и драматично рисующий жизнь и психологию человека тайги. Уверен, что существование в этнографии таких писателей полезно и оправданно, особенно для создания в отечественной научно-художественной литературе краеведческого направления. Но такого рода труды не могут заменить всесторонних этнографических исследований того или иного народа, которые позволяют раскрыть его происхождение, этнические связи, социальный строй, генезис культуры и ее специфические особенности. Что бы об Арсеньеве ни писали, ни говорили, я не считаю его крупным ученым-этнографом, но он был прекрасным писателем-художником, искренне увлеченным бытовой жизнью таежных аборигенов. Впрочем, мы открыто выражали свои мнения друг другу.

Позволю себе здесь вновь прервать Липского. Его взаимоотношения с Арсеньевым рассмотрела М.М.Хасанова, которая в своей книге дает одностороннюю оценку деятельности Липского¹⁷. Она, в частности, пишет, что «в библиотеке Приморского филиала Географического общества СССР хранится книга (статья. — С.В.) А.Н.Липского, принадлежавшая Арсеньеву. На ее титульном листе 14 января 1927 г. Владимир Клавдиевич сделал надпись: "Липский (он же Куренков, а может быть, и не Липский, возможно, у него окажется и третья фамилия) имеет личные счета с Н.А.Лопатиным, поэтому выступает против него при каждом удобном случае. Настоящая статья написана именно под этим углом зрения. Это не есть критический обзор — это один из "выпадов" против личности Н.А.Лопатина, который Липскому, как и я, не протягивал руки»¹⁸. Хасанова ссылается и на ряд высказываний Штернберга в защиту Арсеньева, с отрицательной характеристикой Липского¹⁹. В свете изложенного, приведенная цитата из работы Хасановой не нуждается в особом

комментарии. Отмечу лишь, что высказанное Липским критическое отношение к работе краеведа Лопатина разделяют и ряд других крупных исследователей этнографии народов Амура, которые полагают, что наряду с отдельными ценными наблюдениями в его описаниях было много неточного и поверхностного²⁰.

Необходимо остановиться и еще на одном важном вопросе, связанном с деятельностью Липского.

От одной из моих коллег, работавшей в Отделе Севера и Сибири ИЭ и занимавшейся этнографией народов Дальнего Востока, пришлось не раз слышать публичные высказывания, будто бы Липский в своих экспедициях на Амуре в 30-е годы занимался не научной работой, а лишь репрессиями среди коренного населения, что он «как глава НКВД» бесосновательно репрессировал в большинстве семей мужчин — трудоспособных, старых и даже подростков, сажал их в регулярно ходившие по Амuru пароходы-тюрьмы, откуда они уже не возвращались.

Все эти утверждения неверны и опровергаются материалами, недавно выявленными в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК), который содержит ранее секретные документы бывшего архива Крайкома партии²¹, свидетельствами видных исследователей этнографии народов Амура, в том числе этническими нанайцами²², а также материалами недавно опубликованной книги о политических репрессиях на Дальнем Востоке СССР в 1920—1930-е годы, включающей воспоминания о репрессиях, которым подверглись представители коренных народов Нижнего Амура²³.

Среди документов ГАХК содержится заявление, поступившее в краевые органы от местных властей поселка Найхин в 1937 г., и подробный ответ Липского, который позволяет восстановить истину и опровергает инсинуации в адрес ученого.

В своем ответе, направленном в краевые органы в 1937 г., Липский пишет, что «местные работники устанавливают следующие "обвинения" против нас:

1. Отряд экспедиции в целом и т. Липская в частности игнорировали местные органы власти.
2. Вели свою работу оторванно от общественности села Найхина, не увязав ее с работой местного комитета нового алфавита.
3. Способствовали восстановлению старого обычая изготовления фая — изображения души умершего родственника.
4. Киносъемками шаманских действий и увозом для съемки подлинного шамана способствовали возрождению шаманства, а высокой оплатой труда шамана ставили в неравное положение с ним советских и колхозных работников.
5. Мешали ведению антирелигиозной пропаганды местными организациями.

6. Метод "мирного" (без антирелигиозной пропаганды) сбора материалов у стариков, "заигрывание" с пожилой не советски настроенной частью населения.

7. Практиковали изучение и киносъемку пережитков старых форм социального строя и шаманства у стариков, но не у советски настроенной молодежи, изучали и снимали подлинные явления, а не инсценировку их <...>

По поводу инкриминируемых нам обвинений и предъявляемых к нам требований, хотя, как они не бессмысленны, считаю необходимым сообщить следующее:

I. Абсолютно неверно, что отряд игнорировал местные органы власти. Следуя по предложенному нам Институтом антропологии и этнографии маршруту вниз по Амуру и не имея возможности специально выехать для доклада о задачах отряда районным организациям, мы вместе с тем считали для себя обязательным информировать органы соввласти по месту наших работ. Нами были сделаны доклады (в пределах Нанайского района) о задачах и методах нашей работы президиумам следующих сельсоветов и отдельным представителям соввласти <...> (далее перечень сел: Сакачи-Алян, Петропавловское, Кэфер, Мухун и др., где были сделаны доклады. — С.В.).

II. Оторванность нашей работы от "общественности", т.е. местного комитета нового алфавита, признаю. Считаю необходимым отметить, что какой-либо увязки нашей работы с работой комитета нового алфавита не могло быть. К этому имелось несколько причин, главные из них следующие:

1. Работники комитета нового алфавита — это "латинисты" в вопросе алфавита для языка гольдов, тогда как мы являемся еще с 1926 г. (и по сие время) сторонниками русской основы <...>

2. Задача нашей работы <...> собирание материалов по пережиткам доклассового общества <...> и какая бы то ни было наша рабочая увязка с работой комитета нового алфавита немедленно вызвала бы возражение Института антропологии и этнографии Академии наук, которые заинтересованы в получении как можно больших материалов по программе его исследовательской деятельности <...>

III. "Способствовали восстановлению старых обычаев и, в частности, изготовления фая — изображения души умершего родственника". Заявление такого рода могло быть сделано лицами или абсолютно невежественными в этнографии гольдов, которые даже в Найхине не видели ничего дальше своего носа, или же с клеветнической целью. Допускаю наличие и того и другого <...> Из 38 селений гольдов Нанайского района в 24 селениях имеется 71 активно действующий шаман (41 мужчина и 30 женщин), в том числе 8 касатой шаманов, т.е. таких, которые выполняют обряды касы — доставления души покойника в царство мертвых»²⁴.

Вместе с тем документы архива свидетельствуют о том, что Липский в ответ на доносы о его «антисоветской работе среди нанайцев», в свою очередь, обвинил местные власти в двуруш-

ничестве, скрытых симпатиях к маньчжурам и японцам и в заключение написал, что райисполком и райком Нанайского района «требуется немедленно проверить, и самым тщательным образом. И чем скорее это будет сделано, тем лучше со всех точек зрения»²⁵. Можно полагать, что органы НКВД в 1937 г. вряд ли оставили эту «записку» без внимания, хотя, думаю, что она написана Липским вполне искренне.

— Я, конечно же, знал, — продолжал Липский, — что в стране идут аресты сотрудников НКВД, в том числе его видных руководителей. Но полагал, что мне нечего опасаться: я считал себя до конца честным перед страной и органами, в которых ранее служил.

Летом 1938 г. наша экспедиция вновь отправилась из Ленинграда в нанайские селения на берегу Амура, чтобы завершить первый этап столь успешно начатых исследований. Но по прибытии в Хабаровск мы узнали о новом порядке оформления пропусков в эти пограничные районы. Чтобы обычным путем получить пропуск, пришлось бы прождать минимум пару месяцев. Экспедиция была бы сорвана, и я, надеясь на прежние связи в органах, решил обратиться к их руководителю, с которым был хорошо знаком по совместной службе.

Он меня доброжелательно принял и, сказав, что для моей экспедиции пропуск будут оформлены незамедлительно, попросил подождать с полчаса в соседней комнате. Но буквально через несколько минут в комнату вошли двое сотрудников и, предъявив ордер на арест, тут же обыскали и отправили меня в подвалы НКВД, поместив в камеру, где в ужасающих условиях находились десятки арестованных «врагов народа». Среди них я узнал друзей по совместной борьбе в партизанских отрядах — старых большевиков, честнейших людей. Был там и мой давний знакомый — родной брат известного партизанского вожака Сергея Лазо, сожженного в паровозной топке японцами в годы их интервенции.

На следующий день меня вызвали к следователю, который потребовал, чтобы я, не скрывая ничего, рассказал о моей вредительской деятельности в подпольной прояпонской террористической организации, о ее планах отторжения Дальнего Востока от Советского Союза и передаче его Японии, о моем стремлении укрывать от органов сторонников Японии среди местного населения.

На встрече со следователем я заявил решительный протест, а выдвинутые абсурдные обвинения назвал бредом. В ответ от него услышал:

— Ну что ж, я думаю, что ты лучше заговоришь, когда мы тебе поможем, но на этот раз совсем немножко.

После этого меня до потери сознания избili и на носилках отнесли в подвал. Затем начались бесконечные ночные допросы и избияния в кабинете следователя при его участии. А однажды, трудно об этом говорить, в ответ на мою угрозу, что рано или поздно следователю придется нести ответ за все издевательства над совершенно невинным человеком, он с улыбкой сказал своим подчиненным:

— Мне бы надо сходить в писсуар, но некогда. Откройте ему рот и держите покрепче — он заменит мне писсуар... И выполнил эту омерзительную пытку.

— Тем не менее, — продолжал Липский, — я, несмотря на побои и издевательства, все чудовищные обвинения упорно отрицал. Наконец я все же был сломлен... Собственноручно написал «признание».

Пройдут годы и вы, Севьян, уверен, получите доступ к этим весьма любопытным документам, к материалам моего дела. И тогда вы сможете убедиться, что в содержащихся в них «признательных показаниях», если читать только первые буквы по вертикали сверху вниз, написано, что даны они под страшными пытками²⁶.

В 1939 г. Особое совещание при НКВД СССР, на котором я вновь отказался признать себя виновным, приговорило меня к мягкому по тем временам наказанию — всего к пяти годам лагерей.

Провел эти годы в лагерях среди болот и тайги, главным образом занимаясь лесоповалом в бассейне Амура. И даже там я умудрился общаться с гольдами, преимущественно с таежными охотниками. Однажды был эпизод, который мог стоить мне жизни. Какой-то осведомитель донес, что я договорился по-гольдски с охотником о побеге. Меня вызвали на «тройку» и объявили, что за попытку побега я подлежу расстрелу. Тогда я попросил пригласить осведомителя, якобы свидетеля разговора на гольдском языке, и спросить, знает ли он хотя бы одно слово по-гольдски. Выяснилось, что ни одного слова он не знает и язык не понимает. Меня, слава Богу, тут же отпустили.

— Должен сказать, — продолжал Липский, — слово великой благодарности моему коллеге по Институту этнографии выдающемуся антропологу и благороднейшему человеку профессору Георгию Францевичу Дебецу. Он был единственным сотрудником Института, который, узнав о моем аресте и месте заключения, почти ежемесячно (!) писал мне и отправлял на мое имя продуктовые посылки, небольшие суммы денег, которые буквально спасли меня. Писала мне, разумеется, и жена, и посылки от нее получал. Но помощь Дебеца была бесценной, поддерживая меня и морально.

В 1943 г., в разгар войны, меня выпустили из лагеря, так как кончился срок заключения. Впрочем, с очень ограниченной зоной проживания. Хакасия входила в нее, и я, посоветовавшись с Дебецем, поехал в Абакан. Здесь меня, разумеется, встретили без оркестра, и без жилья, и без работы. Ведь я недавний политзаключенный, отбывший срок.

Написал об этом Дебцу, который вновь очень мне помог. Он сразу же обратился к руководству Хакасии с письмом на бланке Академии наук со своей подписью профессора, доктора биологических наук. В нем он писал, что я крупный ученый, имею большой опыт экспедиционной работы. Получил хорошее образование в Петербургском университете и в Московском археологическом институте. Ручался, что предан, несмотря ни на что, советской власти. Предлагал использовать меня по специальности, например в краеведческом музее, который мог бы в дальнейшем гордиться, что в его составе работает такой ученый.

К этой просьбе Дебца местные власти отнеслись со вниманием. И о чудо — в 1943 г. меня назначили директором краеведческого музея в Абакане.

Правда, этот музей был в жалком состоянии. У него не было ни своего помещения, ни постоянной экспозиции. Экспонаты разворовывались. Руководство Хакасии поставило передо мной задачу создать хороший музей и полноценную экспозицию, отражающую все этапы истории Хакасии.

Еще находясь в лагере, осенью 1942 г. я сделал запрос в ленинградский Институт этнографии о судьбе моей жены Липской-Вальнрод. И получил сухой ответ, что она скончалась в 1942 г. во время блокады от голода, работая над сохранением музейных коллекций. Эту скорбную весть в 1943 г. дополнили ответы из военкоматов, что оба моих сына героически погибли на фронтах Отечественной войны.

Здесь я вновь позволю себе прервать исповедь Липского. В архиве МАЭ сохранилась открытка, посланная Альбертом Николаевичем на имя ученого секретаря ИЭ в Ленинград: «Уважаемый товарищ! Научным сотрудником Института этнографии Академии наук работала Липская Нина Александровна, проживавшая по пр. Маклина, д. 31, кв. 22. В начале апреля 1942 г. сын Сережа сообщил: "Мамы нет. Как быть с квартирой". После этого и Сережа замолчал. На ряд запросов письменных и телеграфных не отвечает. Убедительно прошу Вас: умоляю, установите, что случилось с Липской, с Сергеем, и, независимо от того, что с ними произошло (я готов к получению самого ужасного), сообщите мне возможно подробнее. Письма идут очень медленно, а потому прошу Вас коротко телеграфируйте.

Мой адрес — Суражевка Амурской области, Суражевский ОЛП НКВД, Липскому Альберту Николаевичу. Поймите мое беспокойство. Помогите мне. А.Липский. 6/IX—42 г.». В статье А.М.Решетова, опубликовавшего эту открытку, сообщается, что Н.А.Липская умерла на работе за письменным столом 9 марта 1942 г.²⁷.

— Единственным утешением могло служить то, что жена сумела, вероятно ценой жизни, сохранить наш гольдский архив и незавершенную рукопись нашей совместной монографии по этнографии и истории гольдов, от наиболее ранних сведений об этом народе до его современного положения. В ней мы пытались решить важные проблемы происхождения, этнического состава, антропологического типа, культуры, верований и фольклора гольдов в связи с этнической историей других тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока и Приамурья.

Среди первых дел после назначения меня директором Хакасского музея стало выполнение просьбы Дебца помочь издать рукопись покойного проф. А.И.Ярхо об антропологии алтае-саянских тюрков, которую, несмотря на ее достоинства, не удалось издать, так как она до смерти ученого оставалась незавершенной. Подготовку ее к печати мне пришлось взять на себя, став ее ответственным редактором²⁸.

Напомню читателям, что книга Ярхо содержала важнейшие сведения об этническом составе коренного населения Алтая, Хакасии, Тувы и казахов Чуйской степи. В ней очень подробно описаны антропологические измерительные и описательные признаки, группы крови населения и проведена детальная расовая диагностика. Дебец в предисловии к ней писал, что этот труд представляет собой важный этап в развитии отечественной антропологии, и особенно отметил, что Ярхо, работая над расовым составом алтае-саянских тюрков, сформулировал в этой книге ряд важнейших принципов антропологических исследований, принятых ныне антропологией как азбучные истины²⁹.

Далее Липский продолжил:

— Большой антропологический материал из раскопанных в те годы хакасских погребений я послал в Москву, где они хранятся в Антропологическом музее Московского университета. Находясь в Абакане, я очень хотел как можно скорее ознакомиться с состоянием наших гольдских материалов. Часть из них надеялся скопировать в Ленинграде и привезти к себе для дальнейшей работы над текстами. И хотя мои права на выезд из Абакана были ограничены, я все же решил в 1949 г. съездить в Ленинград как директор местного музея и автор материалов. Явился к руководителю ленинградской части Института этнографии проф.

Л.П.Потапову, но он мне отказал в знакомстве с моими и жены гольдскими материалами, сославшись на то, что тогда они были якобы недоступны. Кроме того, его интересовал вопрос, как меня, бывшего политзаключенного, в столь политически напряженное время сделали директором областного музея. При этом Потапов подчеркнул, что хотя он тесно связан с хакасским руководством, однако с ним по вопросу о назначении директора областного музея даже не проконсультировались. Не вступая в дискуссию, я вернулся в Абакан³⁰.

Сразу же после возвращения я был по указанию Хакасского обкома КПСС освобожден от поста директора музея, но остался в штате в должности археолога. Думаю, меня оставили там, так как за годы моего директорства музей намного расширил свою экспозиционную деятельность и развернул очень успешные археологические работы. По поводу наших нанайских материалов я, по понятным причинам, в Ленинград больше не обращался, отдавшись с душой изучению хакасской археологии. Но все же не терял глубокой надежды, что труды по гольдам-нанайцам, с таким трудом собранные покойной женой и мною, не пропадут и будут рано или поздно изданы с сохранением нашего авторства. Хотя до меня и доходили сведения, что они занимают отдельное помещение в Институте этнографии в Ленинграде и составили особый фонд, которым широко пользуются, но, как правило, без ссылок на авторов³¹.

Кончив свою исповедь, Липский после долгого молчания с горечью произнес: «Итак, моя не лучшим образом прошедшая жизнь, кажется, завершается. — И добавил: — *Finita la commedia*».

Мое пребывание в экспедиции Липского подошло к концу. Удалось самостоятельно раскопать несколько курганов, относившихся к эпохе бронзы. Подготовил об этом отчет. Следивший внимательно за моими работами Альберт Николаевич написал в Отдел полевых исследований развернутую рекомендацию с просьбой предоставить мне Открытый лист на право ведения раскопок.

Распрошавшись у только что раскопанного кургана, я сел в кабину попутной машины. В памяти остались грустные глаза Липского и твердое взаимное обещание посылать друг другу, «благо мы соседи», подробные письма о своих жизненных делах, планах и работах, а также просьба ученого: «Не лениться, писать обо всем!» Я твердо обещал.

За спиной в вечерней летней дымке таяла хакасская степь. Впереди белели хребты Саян, за которыми лежала Тува.

Осенью 1953 г. я послал Липскому письмо из Тувы, сообщив, что получил Открытый лист на право ведения в Туве археологических раскопок и сразу же начал осуществлять обсужденный еще на нашей встрече в Хакасии план соединения этнографических и археологических исследований³².

На мое письмо пришел ответ Липского: «Поздравляю с получением первого Открытого листа на право археологических раскопок <...> Желаю Вам большого успеха, а возможностей для такого успеха у Вас более чем достаточно! Не забывайте этого». Прислал и оттиск своей новой статьи, посвященной открытому и раскопанному в Хакасии могильнику афанасьевской культуры (III—II тыс. до н.э.), с надписью: «Дорогому Севьяну на память о днях, проведенных в спорах и работе». Липский отмечал в письме, что материалы раскопок дают много нового для понимания этнической истории этого времени в Южной Сибири. Далее он писал: «Могильник, в раскопках которого вы принимали участие, безусловно, афанасьевский: найдена характерная остродонная посуда. Новым является еще один череп, на этот раз типичный для прибайкальского неолита». Особенно порадовало Липского то, что в ходе раскопок в одном из курганов тагарской эпохи (VII—III вв. до н.э.) на массивной плите, использованной тагарцами в качестве строительного материала, обнаружено оригинальное изображение солнечного божества; подобный рисунок был найден мною также и в другом раннетагарском кургане.

В присланной мне статье, как и в ряде других работ Липского, для анализа погребального обряда афанасьевцев удачно использованы интереснейшие сравнительные материалы сибирской этнографии, в особенности собранные им у нанайцев и других народов Амура. По характеру расположения погребений он делает вывод, что это могилы одного рода. Здесь же он приходит к заключению, что афанасьевцы низовьев реки Теи жили в полуземлянках. И вероятно, что особенно существенно, в более раннюю пору какую-то часть членов своего рода хоронили в самом жилище, в выкопанной в полу яме. «Нечто подобное, — отмечал Липский в статье, — нам известно из быта амурских нанаев (гольдов) по их рассказам о еще не столь отдаленном прошлом: умершего старейшего члена, положенного в массивный деревянный гроб, оставляли в том же жилище, в котором он жил. Гроб ставился на то же место, какое покойник занимал в жилище при жизни, или же на помосте среди жилища. Позже и одновременно с этим типом погребения стали строить специальные, несколько выше человеческого роста домики мертвых <...>»³³.

В одном из следующих писем (1955 г.), присланных мне с оказией, Липский пророчески писал, что после смерти Сталина неизбежны большие перемены в общественной жизни страны. «Сотворенное им зло — не только миллионы невинно убитых и на редкость жестоко загубленных, но и его коварное предательство великого дела социализма. Из социал-демократической рабочей партии Ленина он постепенно сотворил орден беспрекословно послушных ему беспринципных сталинистов, который он лицемерно приказал именовать коммунистической партией. Теперь в нашей стране у "сталинского социализма" нет будущего. Все преступления прошедшего времени должны быть известны истории. Может получиться так, что я напишу о Вайнштейне». А потому просил подробно рассказать о том «эпизоде», о котором я писал в письме к нему, как незадолго до смерти Сталина в 1953 г. был объявлен «космополитом», вновь исключен из комсомола и должен был оставить музей³⁴.

В ответном письме Липский с сожалением отмечал, что безобразную борьбу с «космополитистами» вели и в Хакасии, шутливо добавив: «Со мной Судьба обращалась более жестоко. А у Вас иначе. Фортуна, чтобы Вы могли продолжить работы в Туве, не пожалела убрать "вождя народов"». Липский сообщил также, что постановлением Дальневосточного военного трибунала от 24 октября 1955 г. он полностью реабилитирован. «Ждал, знал, но не верил, что это случится еще при моей жизни!» — заключил он.

Я же известил Липского, что женился на приехавшей в Кызыл из Магнитогорска преподавать музыку молодой и очень интересной Алевтине Никифоровне Петровой. Поздравив меня в ответном письме, он заметил: «Опираясь на свой жизненный опыт, я убежден, что ценнейшие качества настоящей жены не красота, пусть даже заоблачная, хотя и она, разумеется, имеет значение, а доброта, искренняя любовь к мужу, общие с ним интересы, порядочность и способность быть верным другом ему на протяжении всей жизни, несмотря ни на что. Впрочем, эти качества надо в жене не угасить, а развивать. Желаю прожить с женой долгую и счастливую жизнь». И с извинением признался, что некоторое время из суеверных соображений («мой злой Рок постоянно рядом») скрывал от многих, в том числе и от меня, о, казалось бы, невероятном судьбоносном событии в его жизни. Он теперь тоже не один и живет с новой женой, Анной Борисовной, вдовой его младшего сына, погибшего на фронте. Сын — курсант военного училища в г. Горьком — перед уходом на фронт женился и просил жену, в случае его гибели, найти отца и чем-нибудь ему помочь, тем более что срок заключения

заканчивается. Она выполнила волю погибшего мужа. Разыскала адрес Липского и написала ему в Абакан. Альберт Николаевич сразу же пригласил ее, и вскоре она приехала. Встретил очень милую женщину, которая согласилась не уезжать и стать его женой. Недавно у них родилась дочь, которую называли Викторией, как символ его победы.

В ноябре 1956 г. я получил от Липского очередное письмо, из которого узнал, что у него родился чудесный сын Сергей. «Рок отступает, — писал Альберт Николаевич, — я еще поборюсь! Ведь жизнь, а значит, и борьба продолжаются, хотя мне уже под 70».

Тогда же Липский прислал только что изданный в Абакане «Краеведческий сборник»³⁵, состоявший лишь из двух его больших статей. Сборник открывала принципиально важная работа, посвященная применению материалов сибирской этнографии для интерпретации ряда спорных археологических вопросов погребального обряда древних таштыкцев (II в. до н.э.—IV в. н.э.)³⁶. В ее основу были положены материалы его раскопок памятника древних таштыкцев в долине р. Абакан. Им был обнаружен сруб — «домик мертвых» с двумя погребенными в нем людьми. Липский ставил вопрос о назначении ряда сопроводительных предметов в «домике мертвых», в частности погребальных масок. Следует сказать, что назначение подобных масок находило в мировой литературе различное толкование, но, как правило, без привлечения материалов сибирской этнографии. Опираясь на собранные им материалы по этнографии хакасов и особенно народов Амура, он приходит к выводу, что маски эти были нужны не только для сохранения душ умерших, но и для защиты интересов своего рода, в том числе отправляемого в загробный мир родового имущества. Он дает и свою оригинальную трактовку ряду других погребальных обычаев древних жителей хакасских степей³⁷. Заключая статью, Липский сделал важный вывод, что обращающее на себя внимание сходство ряда явлений археологии Енисея и этнографии народов Амура подтверждает мнение ряда исследователей о взаимодействии в прошлом древних угорских и тунгусо-маньчжурских народностей³⁸. В этой же статье он выразил сомнение в верности сложившегося представления о генезисе енисейских кыргызов на основе таштыкской культуры. Данное положение Липского было позитивно рассмотрено в трудах видных историков и археологов В.Я.Бутанаева и Ю.С.Худякова, внесших большой вклад в изучение енисейских кыргызов³⁹.

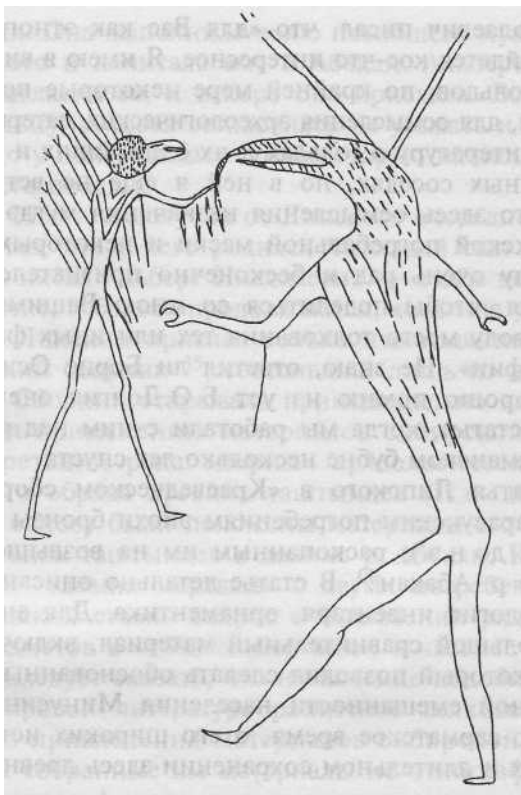
В моем личном архиве хранится письмо Липского, отправленное Б.О.Долгих 17 ноября 1957 г. (мне его передал Д.А.Функ). В письме, в частности, в связи с рассматриваемой здесь статьей

Альберт Николаевич писал, что «для Вас как этнографа в этой работе <...> найдется кое-что интересное. Я имею в виду факты из этнографии гольдов, по крайней мере некоторые приводимые в этой книжице, для осмысления археологических материалов. Я, кажется, знаю литературу о гольдах и их ближайших и б<олее> или менее удаленных соседях, но в ней я еще не встречал мною предложенного здесь осмысления назначения мугдэ, а вместе с тем и таштыкской погребальной маски и некоторых других положений. Буду очень рад и бесконечно признателен, если Вы найдете время, чтобы поделиться со мною Вашими соображениями по поводу моего толкования тех или иных фактов гольдской этнографии». Не знаю, ответил ли Борис Осипович Липскому, но хорошо помню из уст Б.О.Долгих очень высокую оценку этой статьи, когда мы работали с ним над рукописью о хакасском шаманском бубне несколько лет спустя.

Вторая статья Липского в «Краеведческом сборнике» была посвящена карасукским погребениям эпохи бронзы (конец II — начало I тыс. до н.э.), раскопанным им на возвышенности Ахтыгей в устье р. Абакан⁴⁰. В статье детально описаны их конструкция, типология инвентаря, орнаментика. Для анализа также привлечен большой сравнительный материал, включая антропологический, который позволил сделать обоснованные выводы об исключительной смешанности населения Минусинской котловины в гунно-сарматское время, о его широких историко-культурных связях и длительном сохранении здесь древнего расового типа⁴¹.

В свою очередь, я выслал Липскому автореферат кандидатской диссертации, защищенной мною в 1956 г. в ИЭ в Москве об этнографии восточных тувинцев-тоджинцев — жителей горной тайги Саян⁴². Поздравление Липского содержало совет: «Готовьте книгу! Мало ли что может случиться. Ведь это будет первая в мире монография о таежных охотниках-оленоводах Саян! И обязательно проведите там раскопки. Интересно решить проблему — давно ли оленеводство в Саянах? Ведь есть мнение, впрочем никем не обоснованное, что оно распространилось в Сибири именно из Саян. Когда проникли в бассейн Верхнего Енисея степные племена, в частности тюрки? Сделайте хорошую книгу. Не откладывайте!»⁴³.

В эти годы Липский настойчиво искал в хакасских степях уникальные каменные стелы, находил их, свозил в музей и изучал. Возвышаясь среди степи поодиночке либо образуя небольшие группы, эти высокие, обработанные рукою древнего человека камни, с нередко высеченными на них таинственными личинами и другими культовыми изображениями, представляют

Изображение на древней стеле из Хакасии, обнаруженное *А.Н.Липским*.

Слева, вероятно, фигура шамана с птичьей головой,
справа — ибисообразное существо.

Рисунок из письма *А.Н.Липского* автору статьи. 1957 г.

огромный научный интерес. На них обратили пристальное внимание еще путешественники XVIII в. Д.Г.Мессершмидт, П.С.Паллас, И.Г.Гмелин и др., но впервые сосредоточил усилия по их сбору и изучению именно Альберт Николаевич.

Действительно, в Хакасии много памятников, в том числе древних стел, и ее вполне обоснованно считают музеем под открытым небом или заповедником древнего мира. Во дворе Абаканского музея Липским была создана чрезвычайно впечатляющая галерея великолепно сохранившихся древних изваяний, включающая более 40 стел. Нельзя не согласиться с тем, что это самое большое в стране собрание подобных памятников, что даже в Эрмитаже их значительно меньше. Галерея Липского, как справедливо писала археолог Э.Б.Вадецкая, является гордостью

отечественной науки, так как по своим художественным качествам и глубокой древности сибирские изваяния превосходят всемирно известные с о-ва Пасхи и старше последних на 2000 лет. Этому уникальному собранию сибирских идолов мы обязаны страстной и неутомимой увлеченности Липского, археолога-этнографа, всю свою энергию отдавшего изучению истории Хакасии⁴⁴.

Некоторые из изображений на стелах необычайно загадочны. Об одной группе таких изображений подробно написал мне Липский в 1957 г., прислав их рисунки. Сообщил, что обнаружил среди рисунков на одной из стел «ибисообразное существо и перед ним изображение шамана с птичьей головой. Правая фигура до поразительности похожа на древнеегипетского ибиса (коршунообразная голова на человеческом туловище, голова — в профиль, а плечи туловища развернуты; одна нога поднята, поднята и одна рука). Говорить о какой-то связи этой фигуры с ибисом (египетским) рискованно. В то же время не знаю ни в сибирской археологии, ни в этнографии ничего подобного, хотя несколько похожее я находил в гольдской этнографии, но сходство не очень близкое. Л.П.Потапов, возвращаясь из Тувы <...> сказал, что в Приуралье есть много таких изображений. Но утверждение Потапова опроверг С.В.Иванов (крупнейший знаток искусства народов Сибири. — С.В.). Вместе с тем он вспомнил, что Штернберг приводил отдаленно схожее с моим изображение птицевидной человекообразной фигуры из железа на костюме тувинского шамана». Альберт Николаевич очень просил меня все же тщательно поискать такие параллели в тувинском шаманстве. Я ответил, что действительно у тувинских шаманов превращение духа в птицу — один из элементов камлания, но все изученные мною изображения духов-хозяев этих птиц представляют собой стилизованных птиц или их фрагменты, но всегда вне изображения человека, хотя сам тувинский шаман с его налобной повязкой, увенчанной перьями, нередко символизирует шамана-птицу⁴⁵.

В упомянутом выше письме к Долгих Липский, подробно описывая ибисоподобные изображения, просит сообщить, известны ли аналогии им у народов Сибири, добавляя: «Понимаю, конечно, что в известной степени "дико" думать о какой-то культурной связи Древнего царства Египта с Енисеем, но череп негроида в карасукском погребении в устье р. Абакана я нашел!»

Мифологические корни этих действительно уникальных для Сибири изображений остаются поныне так и не раскрытыми, хотя высказанная Липским мысль об их возможной связи с древним шаманским культом наиболее вероятна. Что касается

египетских параллелей, то пока они не имеют приемлемых объяснений. Например, сибиревед З.П.Соколова в книге «Животные в религиях»⁴⁶ не приводит каких-либо параллелей с египетским ибисом в верованиях народов Сибири.

Еще осенью 1956 г. я написал Липскому, что хочу весь экспедиционный период 1957 г. посвятить только археологическим исследованиям, чтобы наконец создать основу для периодизации археологических культур Тувы, собрать археологические материалы для музея, где их было крайне мало, и хотя бы приоткрыть завесу над проблемой городищ-крепостей, расположенных от южных границ Тувы до северных территорий. Альберт Николаевич горячо поддержал это начинание, отметив, что, раз мне выдают деньги на экспедицию и получен Открытый лист, не надо жалеть еще молодых своих сил ради науки.

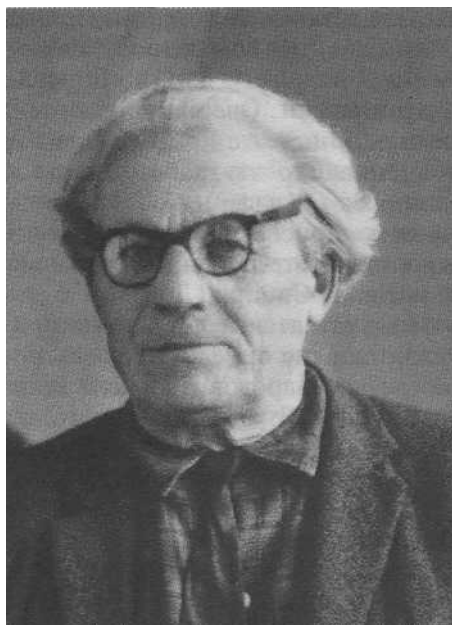
И действительно, сезон археологических работ, который я начал еще ранней весной и вел до осени 1957 г., оказался чрезвычайно успешным⁴⁷.

Результаты этих полевых исследований дали основание дирекции ИЭ в Москве пригласить меня в 1958 г. для работы в нем научным сотрудником, с тем чтобы возглавить археологический отряд Тувинской комплексной экспедиции этого Института во главе с проф. Л.П.Потаповым.

После переезда в Москву мои связи с Липским не прерывались. Он писал, что радуется за своего сына — Сережку, который отличается от отца спокойным характером, стремлением созерцать природу, слушать пение птиц, совершенно неспособного кого-либо обидеть. «Нет, он не борец, но это, может быть, и лучше, иногда думаю я. Ведь и такие характеры нужны обществу». Приглашал побывать у него дома.

Тогда же я познакомился с очень интересной и принципиально важной статьей Липского, посвященной использованию этнографии для интерпретации археологических материалов, которая была опубликована в журнале «Советская этнография» в 1966 г.⁴⁸. В ней он справедливо писал, что этнография широко привлекается для интерпретации археологических материалов. «Однако, к сожалению, бывают случаи, когда неправильное использование этнографических сведений приводит некоторых археологов к ошибочным выводам. Это, в частности, относится к книге Л.Р.Кызласова "Таштыкская эпоха"⁴⁹. Липский особо обращает внимание на то, что «ошибочная интерпретация Л.Р.Кызласовым религиозно-психологических представлений таштыкцев, принятая на веру, вводит читателя в заблуждение»⁵⁰.

В 1970 г. хакасская общественность торжественно отметила 80-летие Липского. Несмотря на приглашение, я, к большому

А.Н.Липский. 60-е годы

сожалению, по ряду не зависящих от меня причин приехать в Абакан не смог.

В канун юбилея за заслуги в изучении и спасении древних памятников Альберту Николаевичу было присвоено звание Заслуженный работник культуры России. Позднее ему была посвящена статья И.И.Таштандинова, в которой отмечены заслуги ученого. Высоко оценивая его научную работу в Абаканском музее, автор пишет, что за годы работы Липским были открыты и исследованы сотни древних памятников. Среди них такие известные могильники, как «Тас-хазаа», «Федоров улус», «Енисейская МТС» и др. Его раскопки дали совершенно новые, неизвестные до того материалы, а его археологические находки стали основой созданной в Хакасском музее первой экспозиции, посвященной древним культурам Среднего Енисея. Кроме древних захоронений им изучены многие петроглифы и собрано большое количество наскальных рисунков. Особое внимание он уделял древнеенисейским изваяниям. Несмотря на многие трудности, и прежде всего постоянную нехватку средств, ученый в своих поездках по Хакасии проводил большую работу по охране археологических памятников. В их защиту он публиковал статьи,

готовил листовки, плакаты, читал лекции, проводил учет и паспортизацию памятников. К сожалению, пишет Таштандинов, главный труд жизни Липского — книга «Енисейские изваяния в свете сибирской этнографии. Очерки древнего изобразительного искусства на Среднем Енисее» с предисловием акад. А.П.Окладникова, высоко оценившего эту работу, так и не увидел свет, хотя и был запланирован к изданию⁵¹. Я был знаком с этой рукописью и полностью присоединяюсь к ее оценке А.П.Окладниковым — крупнейшим отечественным археологом и исследователем древней истории Сибири. Добавим к этому, что теперь, когда миновало более ста десяти лет со дня рождения Альберта Николаевича, можно вполне определенно говорить о его важном вкладе как в этнографию народов Дальнего Востока, так и в археологию Южной Сибири. Я убежден, что его неизданные труды должны быть опубликованы, тем более что они использовались без указания автора. Поныне упоминаются лишь его опубликованные работы по археологии Хакасии. Хотя с некоторыми из его выводов не соглашаются, несомненное значение трудов Липского для науки большинство исследователей не подвергают сомнению. Пример тому — недавно опубликованный сборник по археологии Евразии, в статьях которого неоднократно отмечены исследования Липского в Хакасии⁵².

Осенью 1971 г., возвращаясь из Тувы, я побывал у Липского дома в его небольшой, бедно обставленной квартире в Абакане. Его сыну Сережке, как называл его Липский, вскоре исполнилось 15 лет. Мы вместе со всей семьей, включая жену, дочку и сына-именинника, скромно отметили приближающееся событие. Меня тронула застенчивость Сережи. Запомнились его доброе и задумчивое лицо, приветливые, но почему-то печальные глаза. В тот вечер Альберт Николаевич произнес многозначительный и яркий тост, который до деталей запомнился:

— Кто-то из философов утверждал, что плохое в жизнь человека приходит слишком рано, а хорошее — слишком поздно. Моя жизнь это подтверждает. Мне действительно теперь, как никогда раньше, хорошо. Я впервые спокоен. Имею замечательную семью — милую жену, прекрасную дочь и сына, увлекательную работу, позволившую наконец реализовать старую мечту — соединить археологию и этнографию. Даже центральная газета «Правда» напечатала мой портрет. Я разменял, увы, уже девятый десяток, но есть еще, слава Богу, силы продолжать трудиться, верить в будущее и любить своих близких. Сыну Сережке, которому я дал это имя в память о погибшем на фронте сыне Сергее, начинающему свою биографию, очень и очень желаю, чтобы хорошее пришло к нему лучше слишком рано, чем слишком позд-

но. Счастья тебе, Сережка, в предстоящей, быть может, нелегкой жизни. Больше мужества, силы духа, успехов в учебе. Верю в тебя!

И вдруг в канун нового, 1973 г., я получил от Липского жуткое, трагическое письмо, датированное 5 декабря 1972 г. Приведу его почти полностью. «Дорогой Севьян Израилевич! Ваше любезное поздравление с праздником (речь идет о праздновании 7 ноября — годовщины Октябрьской революции. — С.В.) пришлось за несколько дней до самого страшного в моей и так весьма сложной жизни... 17 ноября повесился мой сынишка... Ужас... Погиб чудесный мальчик — вежливый, внимательный, любивший природу, зверюшек. Погиб из-за черствости людской, из-за малого внимания к его трудностям. Погиб в 16 лет, исполнившихся 1-го ноября. Мальчик был слишком тих, чтобы дать отпор тому или иному хулиганствующему сверстнику... В школе он не участвовал в хулиганских выходках парней своего окружения. В перемены между уроками он уходил подальше от хулиганов, но и там его донимали <...> И вот ужасный итог — мы похоронили его 21 ноября... Ужас». В приписке было: «За все в жизни мы когда-нибудь платим. Но не такую же несправедливую и страшную цену!»

Это была последняя и, несомненно, самая глубокая трагедия в жизни Липского. Альберт Николаевич не смог выдержать столь жестокого удара судьбы. Вскоре он тяжело заболел. 3 марта 1973 г. его не стало.

¹ Об этом бубне спустя 13 лет я и Б.О.Долгих опубликовали статью. См.: *Вайнштейн С.И., Долгих Б.О.* К этнической истории хакасов (бельтирский шаманский бубен с изображением домашних оленей). — СЭ. 1963, № 2, с. 93—97.

² Впоследствии мною опубликовано об отце несколько статей, в том числе: *Вайнштейн С.И.* Судьба моего отца. — Вопросы философии. 1989, № 3, с. 160—162; *он же.* Вайнштейн Израиль Яковлевич. — Философы России XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды. М., 1995, с. 101—102.

³ См.: *Вайнштейн С.И.* Судьба Бориса Осиповича Долгих — человека, гражданина, ученого. — Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999, с. 284—307.

⁴ Подробнее: Там же, с. 294—296.

⁵ В.П.Алексеев начал основную работу по сбору хакасских краниологических материалов в 1953 г. Он писал впоследствии, что исключительной энергии Липского и его знанию местных условий «обязан большей частью успеха в трудоемкой работе по сбору современных черепов. Пользуюсь случаем принести А.Н.Липскому горячую благодарность». — *Алексеев В.П.* Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения. — Труды Киргизской экспедиции, т. 4. М., 1960, с. 269.

⁶ *Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, с. 453—477.

⁷ *Анучин Д.Н.* Лук и стрелы: Археолого-этнографический очерк. М., 1887; *он же.* Сани, ладя и кони как принадлежности похоронного обряда: Археолого-этнографический этюд. М., 1890.

⁸ О некоторых из собранных материалов А.Н.Липского см. в его статье: *Куренков Г.В. (А.Н.Л.)*. — Материалы по этнографии гольдов. Вып. 1. Материальная культура. Опыт общего обзора наблюдаемых явлений. Введение к детальному их описанию. Верхнеудинск, 1918.

⁹ *Липская-Вальнрод Н.А.* Материалы к этнографии гольдов. Беременность и роды. — Сибирская живая старина. Вып. 3—4 (Иркутск, 1925), с. 145—160; *она же.* Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанайцев (гольдов). — СЭ. 1940, № 3, с. 250—256. О Н.А.Липской-Вальнрод см.: Персоналия. — Этнография. 1926, № 1—2, с. 383; *Решетов А.М.* Отдание долга. — ЭО. 1995, № 2, с. 54—56.

¹⁰ Народы Сибири. Серия «Народы мира: Этнографические очерки». Под общей редакцией С.П.Толстова М.—Л., 1956, с. 8.

¹¹ *Липский А.Н.* Отчет об этнографическом изучении гольдов. 1919 г. (место хранения рукописи автору неизвестно); *он же.* Маньчжуро-тунгусы бассейна Амура. Географо-статистический очерк. Хабаровск, 1925.

¹² *Липский А.Н.* Элементы религиозно-психологических представлений гольдов. Чита, 1923, с. 233.

¹³ *Липский А.Н.* Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна Амура. — Первый туземный съезд Дальневосточного округа (протоколы съезда). Хабаровск, 1925; *он же.* Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен. — Сибирская живая старина. 1925. Вып 3—4; *он же.* Туземное население Николаевского округа. Географо-статистический очерк. Хабаровск, 1925.

¹⁴ См.: *Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза Дальнего Востока. М., 1985.

¹⁵ Н.А.Месштыб удалось установить, что копии этих фильмов в значительной мере сохранились в архиве Госфильмофонда РФ в Белых Столбах, где она имела возможность с ними ознакомиться в 2002 г. Сведения о них имеются также в фонде Липских в АМАЭ (ф. 5, оп. 4, д. 90).

¹⁶ Книга В.К.Арсеньева неоднократно издавалась на русском и иностранных языках и была экранизирована известным японским кинорежиссером Акирой Курошавой в 1975 г.

¹⁷ *Хасанова М.М.* Путь В.К.Арсеньева — этнографа. Репринтное издание Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1988.

¹⁸ Там же, с. 15—16.

¹⁹ Там же, с. 16.

²⁰ Такова, в частности, точка зрения современного исследователя этнографии народов Амура, проф. П.Я.Гондмахера (Хабаровск), высказанная им в беседах со мной по этому вопросу.

²¹ Н.А.Месштыб любезно предоставила мне копии документов о деятельности А.Н.Липского и Н.А.Липской на Амуре, которые хранятся в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК).

²² Подобные утверждения отвергаются проф. П.Я.Гондмахером, а также проф. Ю.А.Самаром (Москва), нанайцем по национальности, долгие годы изучавшим язык и культуру своего народа (личные сообщения).

²³ Имя Липского в связи с политическими репрессиями на Амуре даже не упомянуто в книге. См.: *Березницкий С.В.* Отражение политических репрессий 30-х годов в рассказах и воспоминаниях коренных народов Нижнего Амура. — Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920—1930-е годы. Владивосток, 1997, с. 220—229.

²⁴ ГАХК, ф. 44, оп. 1, д. 47, л. 22—24.

²⁵ Там же, д. 636, л. 59.

²⁶ Автору по не зависящим от него причинам до сих пор не удалось ознакомиться со следственным делом Липского.

²⁷ *Решетов А.М.* Отдание долга, с. 55—56.

²⁸ *Ярхо А.И.* Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Ответственный редактор А.Н.Липский. Абакан, 1947.

²⁹ Там же, с. 3.

³⁰ В 1956 г. Липский написал в одной из своих работ «Все данные, относящиеся к нанайско-гольдской этнографии, я излагаю по памяти. Наши, т.е. мои и моей покойной жены Н.А.Липской, материалы находятся в Ленинградском филиале Института этнографии АН СССР. Кроме того, со времени моего изучения верований гольдов и других нижеамурских народностей прошло уже около 25 лет, в течение которых я к этим материалам не обращался» (*Липский А.Н.* Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии. — Краеведческий сборник. Абакан, 1956, с. 53).

³¹ В МАЭ все материалы Липских хранятся в отдельном фонде (ф. 5).

³² Раскопки, проведенные руководимой мною экспедицией в этом и последующие годы, позволили открыть и исследовать в Туве неизвестные ранее памятники эпох камня и бронзы, скифского, гунно-сарматского, древнетюркского и древнеуйгурского времени, а также курганы енисейских кыргызов. Эти материалы легли в основу разработанной мною первой периодизации археологических культур Тувы, опубликованной в 1958 г. См. об этом следующие мои работы: Археологические раскопки в Туве в 1953 году. — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). Вып. 2. Кызыл, 1954, с. 140—170; Памятники скифского времени в западной Туве. — Там же. Вып. 3. 1955, с. 78—102; Археологические исследования в Туве в 1955 г. — Там же. Вып. 4. 1956, с. 33—38, 145—198; Некоторые итоги работ археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1956—1957 гг. — Там же. Вып. 6. 1958, с. 217—237; Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве. — Там же. Вып. 7. 1959, с. 260—274. См. также: История Тувы. Т. 1. Новосибирск, 2001, с. 5.

³³ *Липский А.Н.* Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакасия). — КСИИМК. Вып. 54. М., 1954, с. 89—98.

³⁴ Я писал Липскому, что волны борьбы с космополитизмом дошли до Тувы с опозданием — лишь к февралю 1953 г. Прежде всего пытались обвинить во «вредительском лечении» нескольких лучших врачей-евреев. Очередь дошла и до меня. В музей, где я исполнял обязанности директора, пришел представитель горкома партии и явно провокационно потребовал, чтобы я выделил в ветхом, деревянном, чудом не сгоревшем здании музея помещение для проведения выборов в Верховный Совет СССР, не пообещав при этом ни противопожарных мероприятий, ни дежурных. Я был категорически против этого решения, считая, что в случае пожара ценнейшие фонды музея будут навсегда утрачены. Буквально на следующий день меня обвинили в том, что я, как сын репрессированного «врага народа», еще в студенческие годы занимавшийся антисоветской деятельностью, хочу сорвать выборы. Меня тут же исключили из комсомола и предложили уволить из музея, освободить служебную комнату, в которой жил. Однако вскоре после смерти Сталина комсомольское руководство меня реабилитировало, извинилось и просило остаться работать и жить в Туве.

³⁵ Краеведческий сборник. Абакан, № 1, 1956.

³⁶ *Липский А.Н.* Некоторые вопросы таштыкской культуры (II в. до н.э.—IV в. н.э.) в свете сибирской этнографии. — Там же, с. 9—93.

³⁷ Там же, с. 91—92.

³⁸ Там же, с. 92.

- ³⁹ *Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.
- ⁴⁰ *Липский А.Н.* Карасукские погребения (1200—700 лет до н.э.) в Абакане. — Краеведческий сборник, с. 93—157.
- ⁴¹ Там же, с. 155—157.
- ⁴² *Вайнштейн С.И.* Тувинцы Тоджы. Автореф. канд. дисс. М.—Л., 1956.
- ⁴³ В 1961 г. была опубликована моя монография о тоджинцах, в которой учтены пожелания А.Н.Липского. См.: *Вайнштейн С.И.* Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961.
- ⁴⁴ *Вадецкая Э.Б.* Древние идолы Енисея. Л., 1967, с. 5, 26—27.
- ⁴⁵ См.: *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991, с. 240—267. Впрочем, на шаманских подвесках у кетов Подкаменной Тунгуски мною было встречено изображение гагары со схематически выполненным лицом человека на ее хвосте (материал не опубликован).
- ⁴⁶ *Соколова З.П.* Животные в религиях. М., 1998.
- ⁴⁷ Был открыт и частично раскопан дворец уйгурского кагана Моюн-Чура (IX в. н.э.). См.: *Вайнштейн С.И.* Древний Пор-Бажин. — СЭ. 1964, № 6, с. 103—114. Были также открыты и исследованы погребения гунно-сарматского времени. См.: *Вайнштейн С.И.* Некоторые итоги... В связи с изучением древнеуйгурских памятников Тувы см. также: *Заднепровский Ю.А., Савинов Д.Г.* [Рец. на:] *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. — СЭ. 1982, № 2, с. 147—151.
- ⁴⁸ *Липский А.Н.* К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов. — СЭ. 1966, № 1, с. 105—118.
- ⁴⁹ Речь идет о работе: *Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-минусинской котловины. М., 1980.
- ⁵⁰ *Липский А.Н.* К вопросу об использовании..., с. 105. Обоснованная критика взглядов Л.Р.Кызласова, касающихся истории Хакасии, содержится и в трудах ряда других крупных ученых — лингвистов, историков и археологов, в том числе опубликованных в последние годы. См., например: *Яхонтов С.Я.* Древнейшее упоминание названия «киргиз». — СЭ. 1970, № 2, с. 100—120; *Каравев О.К.* К вопросу о терминах кыргыз и хакас. — Народы Азии и Африки. 1970, № 4, с. 255—259; *Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.* История енисейских кыргызов. В 2001 г. Л.Р.Кызласов писал о том, что во время раскопок в Хакасии в 1945—1946 гг. С.В.Киселева и В.П.Левашовой в них принял участие А.Н.Липский — «рабочий ссыльнопоселенец, впоследствии работавший в музее». См.: *Кызласов Л.Р.* Гуннский дворец на Енисее (проблемы ранней государственности в Южной Сибири). М., 2001, с. 17. Между тем А.Н.Липский уже тогда был директором этого музея, чего не мог не знать Л.Р.Кызласов, проводивший археологические раскопки в Хакасии.
- ⁵¹ *Таштандинов И.И.* 30 лет в музее. — Музейные ведомости. Газета Хакасского республиканского музея, 9.V.1996.
- ⁵² Евразия. Сквозь века (К 60-летию Д.Г.Савинова). СПб., 2001, с. 114, 117, 141, 204.